

Владимир Торбань

ПОБЕД
из Памя

Владимир Горбань

Побег из Рая

«ИП Стрельбицкий»

Горбань В.

Побег из Рая / В. Горбань — «ИП Стрельбицкий»,

Этот роман прежде всего о любви... В нем закручены три сюжетные линии: реальная, мистическая и библейская, которые развиваются параллельно и сводятся воедино лишь в финале. Реальные события охватывают период с 1964 по 2012 год, происходившие в СССР и на постсоветском пространстве и свидетельствующие о судьбах многих людей, так или иначе переживших годы масштабных переломов, их душевных драмах и потрясениях... И только любовь дает силы... Впрочем так было всегда со времен сотворения человечества...

© Горбань В.
© ИП Стрельбицкий

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Нас водила молодость в сабельный поход	8
Глава 2. Вперед, во взрослую жизнь	14
Глава 3. От сессии до сессии	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Владимир Горбань
Побег из Рая
Мистический роман

Моей Музе Нине с благодарностью посвящается...

Пролог

В середине августа 1964 года в деревню Краснополье, расположенную среди бескрайних степей Саратовского Заволжья на правом берегу Малого Узенья и населенную в основном местными хохлами, из Москвы приехал молодой ученый. Звали его Владимир Южнин. Было ему 22 года, но он уже с отличием окончил биологический факультет Московского государственного университета и, сдав сложнейшие экзамены, поступил в аспирантуру. Впереди его ожидала грандиозная научная карьера. Но не потому, что его дедушка Сергей Южнин, биохимик с мировым именем на ту пору был профессором МГУ и членом-корреспондентом Академии наук СССР. Владимир обладал незаурядным умом, выдающимися способностями исследователя, невероятным трудолюбием и упорством в достижении поставленной цели, развитой интуицией, любознательностью и рядом других качеств, позволяющих добиться в науке колоссальных высот.

Владимир приехал с женой Тamarой, тоже аспиранткой и сыном Володей, которому исполнилось всего три недели от роду.

– Зачем кроху с собой приперли? – спросила на пороге своей хаты Аграфена Дмитриевна, двоюродная прабабушка Владимира Южнина, крепкая еще восьмидесятилетняя старуха с крупными, довольно грубыми чертами лица и громогласным голосом.

– А пусть с пеленок привыкает к кочевой жизни, – усмехнулся Владимир, – мы ненадолго, три дня погостим, родственников на кладбище проведем, молоком парного отопьемся, на рыбалку съездим, да и махнем домой в Москву. Хорошо у вас тут, бабушка Аграфена, тихо, спокойно. Не то, что в столице, где сплошная суeta и совсем нет времени задуматься о бренности бытия.

Владимир мило улыбнулся.

– Ну, ладно, чего стоять на пороге, – пробурчала Аграфена Дмитриевна, – проходите в хату, будет вам молока вдоволь.

На следующий день Владимир с Тamarой отправились на деревенский погост. Шли узкой тропинкой по степному лугу, солнце припекало, и в воздухе стоял пьянящий, сильно пряный с горьким вкусом запах чабреца или как его еще в народе называют богородской травы.

– Тамара, посмотри вокруг, красота какая! – воскликнул Владимир, рассмеялся и от радости стал водить вокруг жены хороводы. – Вот где бы я хотел окончить жизнь свою! В бескрайней степи! Среди седого ковыля! Среди знойного лета, пахнущего степной полынью!

– Не говори глупости, Володя, – произнесла Тамара испуганно, – помни, мысли материальны!

– Да нет, ты ничего не понимаешь! – Южнин обнял жену за плечи. – Это во мне говорит кровь! Ведь наш род имеет очень древнее происхождение. Мы, Южнины, потомки половцев! Да, да, половцев. Тех самых половцев, последних законных хозяев этих степей!

– Ты шутишь?

– Вовсе нет, – Владимир вдруг перестал дурачиться, и лицо его стало очень серьезным.

– Тамара, я потом тебе расскажу одну семейную легенду, и ты многое поймешь.

На кладбище Южнин долго простоял, молча возле старого почерневшего креста на могиле своего прадеда. Затем заботливо поправил венок, и они с Тamarой вернулись в дом Аграфены Дмитриевны, где уже во всю мощь своих легких орал маленький Володя.

– Ничего не ест, – буркнула прабабка, – криком зашелся, сиську мамкину просит. Не надо было дитя с собой в такую даль тащить!

– Пусть привыкает к кочевой жизни, половецкий хан! – рассмеялся Владимир, взял сына на руки, прижал к себе и он тут же успокоился.

А вечером Владимир с Тamarой взяли удочки, резиновые сапоги, надувную лодку и отправились рыбачить на Узень. К ночи они не вернулись. Не вернулись и под утро. Вся деревня переполошилась и отправилась на розыски. Но нашли лишь пустую лодку, которую прибило к береговым кустам в восьми километрах ниже по реке.

– Утопли! – целые сутки вопила в хате и во дворе бабка Аграфена. И сутки орал, отказываясь от еды, младенец.

Рано утром следующего дня во дворе Аграфены Дмитриевны собрались краснопольские старики.

– Ты вот что, кума, – тихо сказала бабка Настя, – вези дитя в Ершов. Там Валька Штормина мальчонку два дня назад родила. Хилого, ничего не ест. А молока у нее много. На двоих хватит. Чай не откажет она тебе. Все же вы близкие родственники.

Так Аграфена Дмитриевна и поступила, отвезла Володю Южнина в родильный дом.

А через три дня отыскали утопленников. И Валька через три дня вернулась. Но с одним ребенком. Второй умер в роддоме. В Краснополье, деревне убитой горем, состоялись похороны. Не до выяснения всех обстоятельств тогда всем было. В одну могилу положили Владимира Южнина, его жену Тамару и умершего младенца.

Так ли все было на самом деле или вовсе не так и что было потом, никто доподлинно не знает. Краснопольские хохлы умели хранить свои тайны.

Глава 1. Нас водила молодость в сабельный поход

На правом берегу тихого и мелководного Узенья, топкие берега которого заросли непролазными ивами и густой сорной растительностью, на пригорке располагалась барская усадьба сбежавшего после Гражданской войны во Францию помещика Жулидова. Огромный особняк, построенный талантливым архитектором-самоучкой из добротного красного немецкого кирпича, видимо, был и задуман в каком-то замысловатом смешении архитектурных стилей. Но с годами дом во многом утратил свое былое великолепие и дворянский изыск. Сорвали с окон наличники, сломали беседки, загубили газоны и тенистую липовую аллею. Литую чугунную решетку, ограждавшую большое поместье, разобрали, отправив в металлолом, а вместо нее из наполовину прогнивших досок соорудили нечто вроде высокого сплошного забора, скрывающего бывшую барскую обитель от острых людских глаз. Однако дом был заметен издалека. Вернее, издалека виднелась его крыша, обитая оцинкованным железом, с какими – то причудливыми башенками и шпилями на ней. И в хороший солнечный день она сияла не хуже церковного купола.

С фасада к дому, с противоположных его углов, были пристроены из тяжелых дубовых досок два высоких крыльца, украшенные металлическими поручнями с веселыми завитушками. В переднем дворике располагались песочница, невысокие лесенки, карусели и низенькие лавочки. Здесь гуляли до обеда и после тихого часа самые маленькие дети. Те, что ходили в младшие группы детского сада центральной усадьбы совхоза «Ершовский». А ребяташкам постарше отводился огромный двор за барским домом. Там был устроен настоящий детский городок с домиками, горками, качелями, турниками, песочницами большего размера.

Двор это был засажен тополями, ясенями и кленами, являл собой райское место для детей, если бы его вид не портил тот самый забор из дурацки не струганных досок, кое – как сколоченных между собой. И каждый мальчишка этого детского сада мечтал втайне сделать подкоп под забором и вырваться на волю из этого детского Рая. Тем более за забором был огромный яблоневоый сад. И в дырки между досок были видны эти огромные деревья, с могучими ветвями, на которых висели крупные красновато-желтые яблоки. Они были так близки, что казалось, стоит лишь забраться на забор, протянуть ввысь руку и счастьем не будет конца и края. Но лазать по заборам, детям было строго запрещено. И они постоянно втихаря делали сапы и подкопы. Конспирировались, как могли, отвлекали внимание, но зоркие воспитательницы вовремя обнаруживали лазы, вызывали завхоза, по кличке Горыныч, и он быстро закапывал все пути к свободе.

И все же был один случай, когда шустрый мальчишка сумел почти мгновенно вскарабкаться на забор, перемахнуть через него и очутиться в заветном саду. На него устроили настоящую облаву. Воспитательницы, задрав юбки, гонялись по саду во главе с подвыпившим завхозом, который побег юнца воспринял как личное оскорбление. Они его уже окружили, уже завхоз млел от мысли надрать сорванцу уши, но малец, как белка выскочил из кустов и молниеносно забрался на верхушку самой высокой яблони. И сколько не ходили вокруг дерева с мольбами воспитательницы, как не матерился и не угрожал при этом завхоз, мальчишка так и просидел на дереве до закрытия детского сада. Звали его Володя Штурмин.

В середине апреля 1970 года дни выдалось слякотным. Страна готовилась отмечать столетний юбилей вождя мирового пролетариата и основателя советского государства, величайшего гения всех времен и народов Владимира Ильича Ленина, вершителя Великой Октябрьской социалистической Революции. А погода многое портила. Из радиоприемника лились победные реляции, звучала бравурная музыка, всюду развевался кумач, лозунги призывали к новым победам и свершениям. А под ногами месилась грязь. И искренняя радость уличалась лишь в глазах изрядно поддатых граждан и идейных членов партии.

Зоя Петровна, заведующая детским садиком, женщина крупная, объемистая, с лихой прической на голове, пересчитывала на кухне конфеты, печенье и пряники. Она многократно перекладывала их из одной банной шайки в другую. В ее пролетарском мозгу одновременно решались две глобальные задачи. Как поделить поровну детские подарки и как при этом умыкнуть часть сладостей для своих домашних и производственных нужд. То есть, как часть выкроенных конфет забрать домой, а часть употребить с воспитательницами за праздничным чайным столом после концерта.

– Петровна! – раздался вдруг почти истерический крик на пороге кухни. Это без всяких оговоренных опознавательных стуков в дверь ворвалась Мария Степановна, воспитательница старшей группы, женщина, упитанная на казенных харчах, неповоротливая, но громогласная. – У нас ЧП!

Зою Петровну, застигнутую врасплох, чуть кондратий не хватил. Ноги и руки у нее сделались ватными, по спине побежал холодный пот, голос задрезжал, как у старухи:

– Как?... Что?... Какое ЧП?

– Владимир Васильевич, гармонист наш, в дупель пьяный! Лежит в подсобке и лыка не вяжет. Где он только берет эту водку? Я же все его нычки и заначки заранее проверила!

– Фух, – тяжело выдохнула Зоя Петровна. – Ты меня так не пугай, Мария. У меня прямо сердце из груди выскочило. Я-то уж подумала, ревизию на нас накликали, – заведующая быстро мелко – мелко перекрестилась. – А это – беда малая. Первый раз что – ли? Я его сейчас, подлеца махрового, быстро в нужные чувства приведу!

– Так праздник же какой ответственный сегодня! Вот я и перепугалась. Сам парторг придет! И еще кто – то важный из райкома партии. Сразу решила вам доложить. Как бы нам не опростоволоситься, Зоя Петровна!

– А это уж не твоя забота, Мария. Молодец, что держишься начеку, хвалю. Но антимонии мне тут не разводи! У меня от твоего крику чуть геморрой не вылез!

Хитрая она была, Зоя Петровна, изворотливая. Дружбу нужную и выгодную с начальством умело водила. Знала свой шесток, где следовало, могла прогнуться, и всегда понимала, кому можно безбоязненно зубы показывать. Такие руководители в Советском Союзе всюду были в цене. Они с успехом могли и детским садиком заведовать, и сельским советом управлять, и профкомом на швейной фабрике. И даже в горсовете заседать. Преданность их делу партии и идеалам социализма была фальшивой как рисованный червонец. Личная преданность начальнику была священной, как любовь самурая к цветущей сакуре у подножия Фудзиямы.

В положенное время в актовом зале, празднично украшенном красными флагами, портретами Ленина и членов Политбюро во главе с дорогим и любимым Леонидом Ильичем Брежневым, а также разноцветными гирляндами и воздушными шариками бледно ядовитого цвета, собрались дети старших групп, родители, представители общественности и по разнарядке уважаемые гости. Особенно подозрительно смотрелись воздушные шарики явно не революционной окраски, по форме напоминавшие маленькие дирижабли, развешанные на протянутой под потолком рыболовной леске. Просто Зоя Петровна вовремя не подсуежилась, и не запаслась нужным реквизитом, который перед праздником ушел в магазинах на «ура». Сметливая заведующая, однако, отправила завхоза в аптеку, откуда он и привез три десятка очень дефицитных резиновых изделий. Предварительно выпив стакан водки для дезинфекции губ, он долго брезгливо плевался, прежде чем надул эти изделия до предельно возможных размеров.

Не доставало для полного сходства с любимым праздником всей ребятни лишь новогодней елки и деда Мороза со Снегурочкой. Впрочем, все детские праздники были похожими по сценарию и проходили в подобных революционно – патриотических декорациях.

Родители расселись по скамейкам, расположенным по периметру комнаты, как обычно ждали полчаса, а то и больше шишку из райкома партии. Наконец он появился в сопровождении парторга. Молодой парень в цивильном костюме с приколотым алым бантом на лацкане пиджака. С холодными и хитрыми глазами образцового карьериста. То ли он был еще инструктором райкома партии, то ли уже заведующим каким-то отделом, но вел себя важно, перегаром от него не несло, молодой человек источал запах хорошего одеколона. И перемещался он чопорной походкой, как породистый рысак, важно ступая по чистому полу отдраенным до блеска копытом. А вот пожилой седовласый парторг, прошедший все войну пехотным солдатом, уже был навеселе, передвигался в развалку, шутил невпопад и готов был трепать за вихры любого, попавшего под руку пацаненка.

Наконец заиграла пластинка с гимном Советского Союза. Черная пластинка с ярко – красным кружочком в центре, заезженная до предела. Пафосные звуки оркестра Александра дополнялись изрядным шипением, а в самых торжественных местах еще и скрипами и каким – то орлиным клекотом, придающими музыке откровенный пародийный характер.

Все встали со своих мест, вытянулись как по команде «смирно» и сделали торжественные, то есть каменные лица, выражавшие то ли невероятную преданность ленинским идеалам, то ли откровенно наплевательское отношение к ним.

Первым поздравительное слово держал, как и полагалось в таких случаях, ответственный работник райкома партии. Он вышел на середину зала, достал из внутреннего кармана пиджака несколько листочков бумаги, прокашлялся и хорошо поставленным голосом стал читать текст.

– Дорогие товарищи! Сегодня наша страна в едином душевном порыве встречает величайший праздник всего прогрессивного человечества – столетие Владимира Ильича Ленина, основателя первого в мире социалистического государства, идейного вдохновителя и вождя Великой Октябрьской социалистической революции, которая впервые во всемирной истории раскрепостила пролетариат и беднейшее крестьянство. Как заявил дорогой Леонид Ильич Брежнев, гениальный вождь советского народа и генеральный секретарь нашей партии в своем докладе на XXIII съезде КПСС...

– Как складно говорит, – с неприкрытым восторгом прошептала мама Сережи Сотникова маме Людье Почиваловой, – Не знаешь ты, чей он? Никак приезжий?

– Да что ты, это же сын Марии Васильевны Федотовой, председателя сельсовета из Чугунки. Витька Федотов.

– Витька Федотов? Мимо бы прошла и не узнала! Как вырос – то. А ведь совсем еще недавно с колхозными пацанами собак по деревне гонял. Ишь ты, какой важный стал. Сразу видно, деловой, далеко пойдет!

– Далекое, это точно. Он женат на дочке секретаря Саратовского горкома партии! Свадьбу недавно сыграли, тесть им квартиру двухкомнатную подарил...

– Да ты что!

– А ты думала...

Читал свою речь Федотов недолго. Видно, в этот день уже не в первый раз ему пришлось держать речь. Слушали его в половину уха, больше делая вид. Пропагандой, которая велась всюду и постоянно, все были напичканы до отвала.

– Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза! Вперед к победе коммунистического труда! – закончил оратор свое выступление.

В зале раздались продолжительные аплодисменты.

Следом слово было предоставлено Илье Кузьмичу Козодаеву, старому большевику, участнику и герою Гражданской войны, и, как он сам уверял, большому другу Василия Ивановича Чапаева, у которого он управлял конями в персональной тачанке. Во всяком случае, на всех революционных праздниках он неизменно появлялся в старых кавалерийских шаро-

варах. Также Илье Кузьмичу приписывали знакомство с самим Владимиром Ильичем Лениным. Якобы именно они вместе несли то знаменитое бревно на первом коммунистическом субботнике в Москве. Никто из компетентных товарищей, конечно, не проверял показания старого большевика, который давно уже, похоже, тронулся умом от собственной важности. А односельчане так, посмеивались беззлобно.

Илья Кузьмич говорил без бумажки, ибо совсем был слаб глазами:

– Товарищи, мы с Василием Ивановичем Чапаевым, тудыт его в качель, завоевали вам советскую власть! Берегите ее, товарищи, пуще, тудыт его в качель, зеницы ока! – он грозно погрозил пальцем в сторону испуганных детей. – А то, не ровен час, тудыт его в качель, белая гадина поднимет голову и учинит контрреволюцию! Мы с Ильичем, тудыт его в качель, не просто так бревнышко-то перли. Мы, тудыт его в качель, о вас, засранцы, всю дорогу думали. Как жизнь вам, тудыт его в качель, райскую построить... Профукаете вы все наши великие завоевания! Ой, чую, профукаете!

Говорил Илья Кузьмич зло и напористо, размахивая в стороны сухощавыми кулаками. Кто – то из детей не выдержал угроз и громко заплакал. Слизняка быстро удалили из зала.

– Нет таких крепостей, товарищи, тудыт его в качель, которых не смогли бы взять большевики! Да здравствует Владимир Ильич Ленин! Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза! Да здравствует, тудыт его в качель, коммунизм!

Речь Козодаева также приветствовалась продолжительными аплодисментами и ухмылками на некоторых лицах.

Далее перед детьми с революционными обращениями выступили парторг Рогозин, ветеран Великой Отечественной войны Попов, заведующая детским садом Зоя Петровна, председатель родительского комитета мама Люды Почиваловой, и еще ряд гостей детского праздника. Все говорили примерно одно и то же, прославляя гениального вождя Великой Октябрьской социалистической революции и мирового пролетариата.

Вскоре начался торжественный концерт силами воспитанников старшей группы. На середину зала вынесли стул, затем откуда – то из детской спальни Зоя Петровна вывела Владимира Васильевича, на которого уже был надет баян. Музыканта усадили, он расплылся в какой – то глупой улыбке, раздвинул меха, и дети вслед за своей воспитательницей дружно затянули:

«На границе тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят.
У высоких берегов Амура
Часовые родины стоят».

Тут же эту бравую песню подхватили все: родители, гости праздника, даже завхоз Горыныч не остался в стороне, пытаясь переорать всех присутствующих своим противным пропитым баритоном. Аплодисменты были бурные, продолжительные и искренние.

Следом Владимир Васильевич затянул еще одну песню о танкистах:

«По полю танки грохотали,
Солдаты шли в последний бой.
А молодого командира
Несли с пробитой головой».

Все знали, что Владимир Васильевич в войну был механиком – водителем лучшего танка Великой Отечественной войны Т-34, дважды горел, имел несколько боевых орденов. И любой праздник с его участием неизменно начинался песнями о боевых товарищах.

Потом дружно спели про сотню юных бойцов из буденовских войск, про орлят, учащихся летать, про Щорса, идущего под знаменем красного командира с пробитой головой. И конечно про Владимира Ильича Ленина:

«И вновь продолжается бой,
И сердцу тревожно в груди.
И Ленин такой молодой,
И юный Октябрь впереди!»

Под занавес старый большевик Илья Кузьмич Козодаев потребовал спеть его любимую песню «Гулял по Уралу Чапаев – герой». Но получилось плохо, многие не знали, толком, ни мотива, ни слов этой песни.

Во втором отделении праздничного концерта дети читали революционные стихи. Сначала к стулу вышел Сережа Сотников и с явным волнением, если не страхом, промямлил бессмертные строчки про Ленина, написанные Михаилом Светловым:

Имя Ленина снова и снова
Повторяет великий народ.
И как самое близкое слово
Имя Ленина в сердце живёт.

И Советская наша держава,
И великих побед торжество —
Это Ленина гений и слава
И бессмертное дело его.

Гена Григорьев рассказал стихи о героях Перекопа. Потом Люда Почивалова долго и артистично поведала о Павке Корчагине и легендарных героях – комсомольцах эпохи Гражданской войны. Постепенно концерт приближался к концу. Но тут неутомная Зоя Петровна, любившая иногда выпендриться перед начальством, решила на импровизацию. Она вышла к стулу и вкрадчивым голосом объявила:

– Дети, может быть кто – то из вас хочет еще прочитать стихотворение или спеть песню? Поднимите руки, кто смелый!

Поднятых рук не появилось, но к стулу выбежал Володя Штормин. Он ловко вскочил на него и громким голосом взялся декламировать:

– Нас водила молодость в сабельный поход!
Нас бросала молодость на кронштадский лед!
Боевые лошади уносили нас!
На широкой площади убивали нас!

Тут Володя сделал паузу и недвусмысленным жестом указал на завхоза Горыныча. Среди родителей кто – то открыто засмеялся. Штормин продолжал свое яркое эмоциональное выступление.

– Но в крови горячечной поднимались мы!
Но глаза незрячие открывали мы!

На этой фразе Володя указал пальцем на героя Гражданской войны большевика Козодаева. Рассмеялись еще несколько несдержанных родителей. Концерт явно превращался в юмористическое шоу. Но опытная Зоя Петровна в последний момент спасла ситуацию. Она сняла Володю со стула, слегка хлопнула его ладошкой по попе и расстроено произнесла:

– Я думаю, этого будет достаточно. Беги, Вова, к маме.

Финалом этого праздничного мероприятия стало коллективное святотатство. К стулу вышла Мария Степановна, воспитательница старшей группы.

– А теперь, дети, ответьте мне на вопрос: есть ли Бог на свете?

При этом она загадочно улыбалась, будто одна знала какую-то заветную тайну.

– Нет! Нет! – дружно заорали детишки.

– Не слышу, – притворилась Мария Степановна.

– Нет! Нет! – изо всех сил горланили дети.

– Нет! Нет! – вторили им родители.

Все уже изрядно устали, с нетерпением ждали окончания праздничного концерта и раздачи подарков. Но Мария Степановна не унималась. Она еще загадочнее улыбнулась.

– А давайте, дети, покажем Богу фиги!

Детишки быстро сообразили, что от них требуется, соорудили кукиши и с каким-то хулиганским удовольствием стали указывать им на потолок, завешанный импровизированными шариками бледно ядовитого цвета, заходясь от крика:

– Нет Бога! Нет Бога!

– Не слышу! – подзадоривала детей Мария Степановна.

– Нет Бога! Нет Бога!

И тут Володя Штормин тихо спросил у мамы:

– А зачем они показывают Богу фиги, если его нет?

Глава 2. Вперед, во взрослую жизнь

Был поздний вечер, и школьный спортивный зал давно уже опустел. Но Володя Штормин не спешил домой, предстояло сделать еще несколько мучительных и сложных упражнений на растяжку сухожилий и укрепление икроножных мышц. Сунув ногу в петлю веревки, он другой конец перебросил через верхний поручень шведской стенки. Резко потянул за конец веревки, правая нога взмыла вверх и зафиксировалась почти в вертикальном положении. Теперь предстояло сделать несколько неглубоких приседаний на левой ноге. Боль при этом пронизывала все тело, но была привычной и даже приятной.

– Ну и долго ты еще собираешься мучить себя? – услышал Володя за спиной голос Наташи Шороховой, его одноклассницы. – По – моему, чемпион, ты уже из себя все жилы вытянул.

Володя отпустил веревку, нога съехала вниз. Он обернулся.

Наташа Шорохова в легком голубом облегающем платье стояла рядом. Высокая брюнетка с безукоризненной девичьей фигурой, великолепной копной вьющихся до плеч волос, с темно-синими, как зрелый паслен, огромными и всегда веселыми глазами. Глазами омутами. И губами сочными, нежными, сладкими и зовущими. Наташа была несбыточной мечтой многих парней...

– Там уже темно и страшно, ты, Штормин, проводишь меня домой? Или мне Генку Григорьева попросить?

Володя, безусловно, смутился. Еще бы. Да каждый юноша их школы мечтал о том, чтобы Наташа обратила на него внимание.

– Прямо сейчас?

– А долго тебе еще?

– Нет, осталось левую ногу растянуть, – Штормин говорил тихо, опустив глаза долу, будто оправдывался.

– Сколько эта попытка займет у тебя времени?

– Минут десять. Я к соревнованиям готовлюсь. Но в принципе и за пять минут успею.

Володя посмотрел на Наташу и готов был прервать тренировку прямо сейчас.

– Хорошо, – улыбнулась Шорохова как – то загадочно, – не буду мешать, чемпион, я тебя в раздевалке подожду.

Она развернулась на невысоких каблуках и легкой соблазнительной походкой, покачивая бедрами, удалилась из спортивного зала.

С левой ногой Штормин расправился гораздо быстрее, чем того требовалось, и поспешил в раздевалку. Это была маленькая комната по коридору налево, устланная спортивными матами, с единственной тусклой лампочкой под потолком. Вернее, это была не только раздевалка, но и тренерская комната. И здесь не хранились лыжи и палки к ним, не валялись на полу наполовину спущенные баскетбольные мячи, грязные волейбольные сетки, гнутые баскетбольные кольца, забытые кем-то спортивные трусы, кеды и кроссовки, хоккейная амуниция, коньки и клюшки, ведра, швабры и половые тряпки, как это обычно бывает в школьных спортивных раздевалках.

Наташа полулежала на матах в дальнем уголке комнаты, поджав под себя ноги. Штормин замер у порога, растерялся. Ведь нужно было избавиться от пропахшей потом спортивной одежды и облачиться в джинсы и любимую бело-голубую футболку с надписью «Динамо» на груди и заветными буквами СССР на спине. Эти буквы дозволялось носить не всем, а лишь избранным спортсменам. Только попав в сборную команду страны, можно было сверкать этими буквами и гордиться собой без всяких зазрений совести. Володя Штормин в 16 лет был уже кандидатом в мастера спорта по рукопашному бою и готовился к своим

первым соревнованиям на первенство страны в составе молодежной сборной Саратовской области.

– Слушай, Штормин, – голос Наташи прозвучал особенно томно, – а почему ты мне до сих пор не признался в любви? Все твои одноклассники уже у моих ног. Даже Генка Григорьев. Я что, не нравлюсь тебе, Штормин?

Володя настолько обомлел от такой нескромности, что и слова не мог вымолвить.

– Хорошо, спортсмен, – Наташа грациозно поднялась с матов, оправила платье, загадочно при этом улыbnулась, – переодевайся. Я тебя на улице подожду.

Она все той же легкой соблазнительной походкой удалилась из раздевалки.

Месяц май благоухал сиренью. Дул легкий зябкий ветерок. Володя с Наташей шли к ее дому по парковой аллее, смущаясь друг друга.

– Володя, мне холодно, обними меня.

Штормин крепко прижал Наташу к себе, ощутил мелкую дрожь ее тела.

– Как ты собираешься сдавать выпускной экзамен по алгебре? – неожиданно спросила она грустным голосом. – Ты же совершенно не знаешь этого предмета.

– Не знаю, как – nibудь да сдам. В любом случае трояк мне поставят. И на том скажу спасибо.

Наташа остановилась, не расцепляя объятий, взглянула чувственно на Володю, а затем, отведя глаза в сторону, тихо произнесла:

– А хочешь я дам... дам тебе списать экзаменационную контрольную по алгебре. Никто и не заметит. Ты только сядешь на экзамене за мной, чтобы варианты заданий совпали.

– Да зачем мне математика?! – усмехнулся Штормин. – Там, куда я буду поступать, никто от меня знаний математики не потребует. Мне бы плавание не завалить.

– А где ты хочешь учиться?

– В Институте физкультуры. Хочу стать тренером. Но сначала выиграть чемпионат страны. Затем стать чемпионом Европы. Ну и победить в кубке мира, стать сильнейшим на планете!

– Это так скучно, – Наташа грустно улыbnулась, – бесконечные тренировки, сборы, соревнования. Эти спортзалы, стадионы... раздевалки.

– Да ты что! – воскликнул Володя. – Это очень интересно! Это постоянное самосовершенствование, постоянная борьба с самим собой и над собой, бесконечные поездки по стране. Это возможность побывать за границей! Увидеть весь мир не по телевизору в передаче «Клуб кино – путешественников», а своими глазами. Ну, объясни мне тогда, как советскому человеку иначе попасть за границу? По комсомольской турпутевке в Болгарию? А я хочу побывать во Франции, в Италии, в Канаде. Мало ли интересных мест на земле!

– Тебя все равно туда не выпустят.

– Это почему?

– Потому, – Наташа звонко рассмеялась, – потому, что ты не комсомолец. И в Институт физкультуры тебя не примут.

– Почему?

– Потому, что ты не член ВЛКСМ.

– И что же мне делать? – Штормин не на шутку испугался. – До выпускных экзаменов остался всего месяц. До вступительных – три. Время, похоже, уже упущено. Я уже не успею вступить в вашу организацию.

– А хочешь, я с папой поговорю, – лицо Наташи сделалось серьезным, как у строгой учительницы по математике.

– О чем?

– Он поможет тебе вступить в комсомол. Быстро и без проблем. Он у меня в райисполкоме работает. И знает всех партийных функционеров. Они там вместе каждую пятницу что-

то на работе справляют. И мой папаша под выходные на бровях домой заявляется. И сегодня его тоже привезут чуть живого. Поговорить с отцом?

– Ну, я не знаю, – замялся Штормин, – ну поговори.

Они подошли к палисаднику большого крепкого дома. Наташа сняла Володины руки со своей талии, показывая всем видом, что им пора прощаться.

– А ты за мои хлопоты посвятишь мне стихотворение. Договорились? – Наташа вновь лукаво улыбнулась, вновь неожиданно смутила Штормина.

– Какое стихотворение?

– Ну, ты же сочинишь стихи?

– Да так, – Володя пожал плечами, – но только стихи не сочиняют, их пишут.

– Ну, так напиши!

Наташа вдруг быстро и звонко поцеловала Володю в щеку. Рассмеялась игриво и пошла по дорожке домой, наигранно виляя бедрами. И не обернулась и не помахала на прощанье рукой...

Ершовский райком ВЛКСМ располагался на центральной городской площади. В здании райкома партии, только входы были разные. Та, что справа для больших и важных дядь и тетя, а та, что слева – для их скорых сменщиков.

В просторном кабинете первого секретаря райкома комсомола за длинным полированным столом собралась комиссия по приему в члены ВЛКСМ, человек десять – двенадцать. Все были одеты в строгие костюмы, хотя за окном стоял знойный июнь 1981 года. В эту пору жара в Саратовском Заволжье нередко превышает 35 градусов по Цельсию. Порой трудно даже дышать полной грудью, трава блекнет, листья на деревьях вянут, ни ветерка даже самого малого. Даже караси в прудах, похоже, впадают в коматозное состояние.

Но в партийном здании было относительно терпимо. То ли спроектировано оно было как – то по – особому хитро, то ли думалось в нем о чем-то совсем неземном.

Рядом с Володей в коридоре на стульях сидели еще несколько юношей и девушек, переживших пионерский возраст. В кабинет к первому секретарю вызывали поодиночке, выкрикивая в отворяющуюся периодически дверь фамилию соискателя. Каждый ожидал такого выкрика с большим нервным напряжением.

– Штормин! – раздался противный визгливый голос из дверного проема.

Володя вошел в кабинет, огляделся. Никого из присутствующих он не знал.

– Представьтесь, – строгий голос первого секретаря райкома, сидевшего во главе стола, пронял до мурашек на спине.

– Штормин Владимир Владимирович, 1964 года рождения.

– Какого года рождения? – удивился седой ветеран войны, поблескивая медалями на полинявшем пиджаке.

– 1964 года рождения, – повторил Володя.

– А почему до сих пор не член ВЛКСМ? Тебе же уже семнадцатый год! – ветеран, заглянув в какую-то бумагу, сурово насупил брови, будто перед ним стоял в чем – то провинившийся подросток. Преступник, укравший что – то в магазине или поджегший школу.

– Не был готов, – тихо сказал Володя, чтобы фронтовик не услышал его ответа. Но ветеран, очевидно, когда того требовала партийная бдительность, обладал хорошим слухом.

– Что значит, не готов? К чему не был готов? Ты Родину любишь?

– Люблю.

– А почему в комсомол вовремя не вступил? Где ты шлялся почти три года?

– На сборах.

– На каких, мать твою, сборах?

– Спортсмен он, – тихо произнесла молодая женщина, сидящая рядом с ветераном.

– Спортсмен, – это хорошо, – слегка смягчился фронтовик, – А учишься как? Двоек много?

– Ни единой тройки в аттестате, – произнесла все та же женщина, очевидно, секретарь комиссии. Она держала в руках анкету Штормина. – Всего шесть четверок, остальные пятерки. Почти отличник. И характеристика из школы хорошая. Был старостой класса, – секретарь начала зачитывать выдержки из послужного списка Володи, – трудолюбив, принимал активное участие во всех субботниках и воскресниках, занимался в художественной самодеятельности, показывал высокие достижения в спорте...

– Да знаю я его, – раздался голос первого секретаря, – нормальный он парень, чемпион Саратовской области по рукопашному бою среди юниоров. И родину он любит. Я за него ручаюсь.

Все с удивлением посмотрели на первого секретаря райкома ВЛКСМ. Это был молодой еще парень, который недавно окончил сельскохозяйственный ВУЗ, попал в номенклатуру скорее случайно и, многим казалось, что он еще недостаточно хорошо разобрался в партийно-комсомольских правилах и взаимоотношениях. Лицо его было строгое, но светлое. Взгляд суровый, но с едва уловимым лукавством.

– А почему он тогда до сих пор не член комсомола!? – фронтовик со злостью ударил кулаком по столу. – Не понимаю! Ты куда-то поступаешь в этом году?

– В Институт физкультуры, – спокойно ответил Володя. Он уже немного сориентировался в этом кабинете и понял, что некоторые члены комиссии не будут его явно заваливать. Более того, некоторые готовы оказать ему поддержку. Это читалось в их глазах.

– Вот! – ветеран вскинул указательный палец вверх. – Теперь я все понял! Не по убеждениям он к нам пришел! А как махровый карьерист! Гнать надо таких отщепенцев отсюда в шею! Нам такие отщепенцы в ленинском комсомоле не нужны!

Повисла напряженная тишина. Члены комиссии молчаливо переглядывались друг с другом, все хорошо знали этого фронтовика, который и фронта – то настоящего не видел, всю войну провел в обозе при кухне.

– Да какой же он карьерист? – прервал тишину первый секретарь. – Он же не на работу пришел к нам в райком комсомола устраиваться! Это мы тут все карьеристы!

Многие члены комиссии со страхом посмотрели на своего комсомольского вожака. Это уже пахло откровенным диссидентством. Такое о карьеризме! Да еще из уст первого секретаря, члена бюро райкома КПСС! Человека, занимающего серьезную номенклатурную должность!

– Просто парень собрался поступать в институт, – спокойно произнес первый секретарь. – Так, Владимир?

– Так, – ответил Штормин.

– И ему нужен комсомольский билет, без которого у него даже документы в приемной комиссии не примут. Так?

– Так.

– Ну, вот и разобрались, – голос первого секретаря зазвучал каленым металлом. – Перед нами честный парень. Спортсмен, почти отличник. И вовсе не карьерист. Он же не виноват, что в вузы у нас принимают только комсомольцев. Так давайте ему поможем! Разве это плохо, если он станет профессиональным спортсменом, тренером?

Воцарилась тишина. Даже фронтовик от такого напора первого секретаря рта не посмел открыть.

– Кто за то, чтобы Штормина Владимира Владимировича принять в члены Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи? – произнес первый секретарь. – Кто «за» прошу поднять руки.

И «за» на удивление проголосовали все. Даже седой ветеран с юбилейными медалями, еще несколько минут назад явно отказывавший Володе в доверии.

– Решение принято единогласно, – объявил первый секретарь. – Я вас, Штормин, поздравляю, можете быть свободны.

– Как... как свободны, – зашебетала, опомнившись, секретарь приемной комиссии. – Мы же ему даже ни одного вопроса по Уставу ВЛКСМ не задали.

– Светлана, – лицо первого секретаря вновь сделалось каким – то живым и чужим для номенклатурных товарищей. – Ты, думаешь, он Устав не выучил назубок? По Уставу будешь гонять своих пэтэушников! Иди парень. Иди с Богом! И стань чемпионом мира! Всем завистникам назло стань!

Штормин быстрее пули выскочил на крыльцо райкома комсомола и вдохнул полной грудью знойный степной воздух. Недалеко в тени высокого тополя его дожидалась взволнованная Наташа.

– Ну что? Ну, как? – она взялась нервно теревить его за руку. – Рассказывай скорее.

– Спасибо твоему папе, – Володя грустно улыбнулся. – Благодаря его благу меня только что приняли в комсомол.

– Какому благу? – удивилась Наташа.

– Ну, ты же сама говорила, что твой папа все устроит, что меня примут в комсомол без всяких проблем. По благу.

Наташа улыбнулась в ответ:

– А я ничего не говорила папе. Я с ним уже полгода как не разговариваю.

– Серьезно?

– Да.

– А почему?

– А не скажу.

– А все же, почему?

– Да не нравишься ты ему!

– А тебе?

– А не скажу!

И ни оба счастливо рассмеялись.

– Тогда вдарим по лимонаду!

– Тогда вдарим!

Они возвращались из летнего кафе уже под вечер, веселые и беззаботные. Молодости свойственна беспечность, отсутствие постоянного контроля за неуловимым, по сути, течением времени. Когда вся жизнь еще впереди нет никакой нужды заглядывать в будущее. Хочется жить одним днем, одной минутой, одним мгновением.

– Ты проводишь меня домой, Штормин?

– А что уже пора?

– Проводишь?

– Само собой, – вздохнул Володя. Ему явно не хотелось расставаться с Наташей. Ему хотелось, чтобы этот день продолжался вечно.

Они шли все той же парковой аллеей, все так же смущались и не могли открыто выразить своих чувств. Они были молоды и еще многому в жизни не научились.

Вдруг сзади раздался грозный крик:

– Стоять!

Володя обернулся. Три изрядно пьяных парня, прибавив шаг, направлялись в их сторону. Наташа очень испугалась, задрожала, лицо ее побледнело.

– Побежали, – предложила она, – тут до моего дома совсем близко.

Парни были уже совсем рядом, слышалось их сбивчивое дыхание.

– Да нет, подожди, – сказал Володя еле слышно, насупился и крепко сжал кулаки, – надо разобраться, кто тут такие приказы отдает.

Парни обошли Володю и Наташу с трех сторон. Они были крупнее Штормина и старше лет на пять. Противным самогонным перегаром разило от всех троих. Пролетарская злоба светилась в узких звериных глазах.

– А, это ты, спортсмен? – промычал тот, что кричал только что в спину и осекся. – Извини, старик, ошибочка вышла. Извини.

– А это кто? – спросил второй парень.

– Конь в пальто! Пошли отсюда. Мне он уже один раз челюсть ломал.

До Наташиного палисадника они дошли молча. Остановились, как обычно, у калитки. Настроение было испорчено у обоих. Неприятный осадок в душе оставила встреча с пьяными гопниками. Разгильдяями, лоботрясами и неудачниками, по сути. Они полагали, что любую дорогу себе в жизни можно проложить наглостью и пудовыми кулаками.

– Слушай, Володя, – тихо произнесла Шорохова. – А, может, ты поедешь поступать вместе со мной?

– Куда? – удивился Володя.

– В Саратов. В Университет на биологический факультет.

– А как же спорт?! – воскликнул Штормин.

– Кулаками махать? Любым видом спорта можно прекрасно заниматься и в университете. В свободное от занятий время. И заодно получить престижную профессию. Да и будем вместе. Подумай об этом.

– Нет, – возразил Володя решительно. – Я хочу стать профессиональным тренером. И даже чемпионом мира. Такую подготовку можно получить только в институте физкультуры. А в университете пусть учатся яйцеголовые отличники.

– Дурак ты, и уши у тебя холодные.

Штормин опешил:

– А почему уши холодные?

– Не знаю, мама моя так постоянно говорит.

– Кому говорит?

– Неважно, – Наташа на мгновение задумалась. – Ты написал мне стихи?

– Написал, – буркнул Штормин.

– Читай.

– Не могу.

– Это почему?

– Уши у меня холодные.

Володя достал из кармана брюк скомканный листочек бумаги, протянул его Наташе и, молча, быстро ушел. Шорохова развернула листок. Неровным быстрым почерком на нем были написаны четыре строчки:

«Уж блекнет в небе млечный путь,
Не уходи, постой у клена.
Глаза твои как ягоды паслена
И их нельзя мне обмануть».

– Хм, написал, – тихо произнесла Наташа, прижала листочек к груди, еще немного задумчиво постояла у калитки и отправилась в дом. В ту ночь она долго не могла уснуть, распаяя себя девичьими мечтами и надеждами, строя планы на будущее, которое рисовалось ей счастливым и безмятежным. Ох, эти девичьи грезы – причина последующих женских разочарований!

Подойдя к своему дому, Штормин обратил внимание на «Камаз», огромный, мрачный фургон, стоявший у дороги. Номерные знаки были не местные. Володя обошел автомобиль, водителя в салоне не оказалось. И тут из подъезда дома вышел Володин отец с каким-то неизвестным мужчиной в армейской форме. Они негромко переговаривались друг с другом. Мужчина закурил и едва слышно произнес:

– За речкой творится полный кошмар. Там идет настоящая война. Пойдем, я тебе кое-что покажу.

И они направились к «Камазу». Володя вышел им навстречу.

– О, сынок! – удивился Штормин – старший. – Знакомься, это дядя Вася, мой армейский друг. Вот ехал мимо и зарулил к нам.

Володя пожал крепкую руку прапорщика. Он выглядел лет на сорок, но голова его была уже густо убелена сединой. Дядя Вася с прищуром посмотрел юноше в глаза и с волнением в голосе спросил:

– Сколько тебе лет?

– Шестнадцать.

– Большой уже. Спортом занимаешься?

– Он у меня уже кандидат в мастера спорта по рукопашному бою, – с гордостью ответил за сына отец.

– Это очень хорошо. А учишься как?

– Да я школу уже закончил.

– Удачно?

– Нормально. Без троек.

Дядя Вася еще раз внимательно, как бы оценивающе, взглянул на Володю, потом на его отца, подошел к задней дверце «Камаза» и открыл ее ключом. Все трое взобрались внутрь фургона. Дядя Вася включил карманный фонарик.

Володя поразился увиденным зрелищем. Шесть цинковых гробов стояли рядом друг с другом. У каждого было небольшое круглое прозрачное окошечко на уровне лица покойника.

– Вот везу матерям «подарочек», – зло произнес дядя Вася, – груз-200. За речкой война, сынок. Плохая, несправедливая война.

– За какой речкой? – не понял Володя.

– За Пянджем. В Афганистане...

Поступить в университет было делом непростым. Школьных знаний для этого явно не хватало. Пришлось дено и ночью дополнительно штудировать несколько объемных книжек. Штормин был уверен, что засыплется на первом же экзамене, и корил себя за то, что послушал Шорохову. Вернее, поддался на ее уговоры. Она-то ведь целый год готовилась для поступления, ей нанимали репетиторов, ее возили на олимпиады по биологии, она посещала кружки и факультативы. А Штормин в это время торчал в спортзале, развивал мышцы, тянул сухожилия. Он и половины в биологии и химии не усвоил от того объема знаний, что было известно Наташе. Но Володя упорно готовился, не давая себе ни малейшего послабления.

Сдавали они экзамен в разных группах. Володя вытянул билет. Вопросы ему были хорошо знакомы. Он подошел к свободной парте и обнаружил на стуле маленькую подковку, размером с копеечную монетку. Кто – то из предыдущих абитуриентов принес ее на экзамен и забыл забрать. Сердце у Володи страстно затрепетало. Он знал, найти подкову – к удаче. Штормин быстро написал ответы и поднял руку. Молодой очкастый преподаватель, доцент и председатель приемной комиссии очень удивился:

– Вы уверены, молодой человек, что достаточно подготовились и уже готовы ответить на вопросы вступительного экзамена?

– Да, уверен, – холодно ответил Штормин.

– Ну – с, молодой человек, тогда извольте идти ко мне.

Володя уселся напротив преподавателя и спокойным голосом принялся отвечать. Но очкастый доцент, кажется, вовсе не слушал его, а лишь внимательно изучал экзаменационный лист. А потом произнес как-то устало:

- Достаточно, молодой человек. Я ставлю вам за ответ пятерку. Отчасти за мастерство.
- Какое мастерство?
- Идите с богом. Потом поймете. Я, похоже, сегодня плохо выспался.

Ликующий Штормин выскочил на улицу. Он ликовал. Не таким уж сложным оказался самый важный экзамен. Теперь они с Наташей будут учиться в университете. Он станет мастером спорта, чемпионом мира...

Шорохова вышла из университетского корпуса примерно через час. Лицо ее было заплакано, тушь размазана, губы дрожали.

- Что случилось? – Володя подсочил к ней, обнял за плечи. – Тебя кто-то обидел?
- Не – ет, – разревелась Наташа. – Я экзамен завалила.
- Как! – вскрикнул не поверивший ей Штормин. Это было невероятно, как если бы посреди жаркого лета с неба повалил снег. – Ты получила двойку?
- Да – а – а.
- Да как же так!
- Да вот так!
- А я получил пятерку.

– Серьезно? – Наташа вдруг перестала реветь, быстро размазала слезы по лицу и с каким – то недоумением взглянула на Володю. – Покажи экзаменационный лист.

Штормин протянул ей бумагу. Шорохова посмотрела на оценку и промолчала.

Володя все три устных вступительных экзамена сдал на «отлично», а вот сочинение написал на тройку. Но этого оказалось достаточно для зачисления. И он очень гордился своим достижением. До первой сессии, пока не понял насколько непросто учиться в столь престижном университете, где в то лето, за место боролось восемь человек. И правила борьбы были не совсем честными.

Ректор университета, маститый академик и основатель целой школы одаренных ученых, человек принципиальный и бескомпромиссный вызвал накануне вступительных экзаменов к себе в кабинет молодого очкастого доцента, председателя приемной комиссии биологического факультета.

- Павел Петрович, на ваш факультет подал документы некто Владимир Штормин.
- Возможно, – согласился молодой доцент, поправляя на носу тяжелые старомодные роговые очки, – всех ведь абитуриентов не упомнишь.
- Безусловно, всех нет. Но этот парень – чемпион Саратовской области по рукопашному бою среди юниоров. В неполные семнадцать лет!
- И что, Анатолий Михайлович?
- Как что? Надо брать.
- Куда?

– В наш университет. Иначе его медики или юристы перехватят. В сельскохозяйственном институте небольшой конкурс. Сейчас Штормин – чемпион области. Через год станет чемпионом СССР. А там, глядишь, и на мировом первенстве отличится. И прославит наш университет.

При этом ректор сделал ударение на слове «наш».

– Ну, да, – согласился Павел Петрович. – А если у него плохая подготовка по биологии и химии?

– Ну и что? – академик лукаво рассмеялся. – Мы приняли на ваш факультет документы у пятидесяти медалистов. Они в большинстве своем поступят без особого труда и будут двигать в дальнейшем науку вперед. Так? Они свои медали уже завоевали. А этот парень еще

нет. Ну, не медикам же его отдавать, Павел Петрович?! Осенняя студенческая Спартакиада на носу, ей богу, вы как будто не выспались сегодня!

Глава 3. От сессии до сессии

К удивлению многих, да и неожиданно для самого себя, Володе Штормину очень понравилось учиться в университете именно на биологическом факультете. Здесь он с первых дней нашел верных друзей, интересных товарищей, множество приятелей и знакомых. Биологические науки оказались именно тем новым и серьезным увлечением, которое полностью поглотило его, отодвинув занятия спортом на второе, даже третье место. Уже на первом комсомольском собрании сокурсники единогласно избрали его комсоргом, а заместитель декана, чувствуя литературные способности, острый взгляд и беспристрастную смелость нового студента, предложил ему редактировать факультетский «Комсомольский прожектор». Штормин стал довольно быстро узнаваем студентами других курсов и преподавателями кафедр. Он поселился в общежитии со своими новыми друзьями, где жилось весело, беззаботно, а временами и вовсе бесшабашно. От сессии до сессии, как поется испокон веку в известной студенческой песенке.

Общежитие представляло собой трехэтажное старое и весьма запущенное здание с проседающим фундаментом, из которого всюду торчали ржавые на вид кирпичи, с обваливающимися балконами, осыпающейся штукатуркой, облазившей со стен лимонно-желтой краской, текущей бесконечно крышей. Сколько не пыталось руководство университета это здание, расположенное в самом центре Саратова, капитально отремонтировать или хотя бы немножко привести в божеский вид, общежитие отчаянно сопротивлялось, как иной бродяга, которого как не корми, он непременно сбежит к себе на помойку, и будет там чувствовать себя припеваючи и даже счастливо. Но студентам и это затрапезное здание казалось раем. Потому, что в нем, как им порой думалось, витал дух почти абсолютной свободы. А за его стенами жили в основном люди всего боящиеся, которым набитый продуктами холодильник в квартире был важнее любой правды, любой справедливости. Только студенты, молодые энергичные люди с бурно развивающимися мозгами, могли позволить себе высказывать сомнения по многим вопросам обустройство жизни. Зная при этом, что стукачей вокруг хватает. И в деканате все подробно и о каждом известно. Но большинство преподавателей, хотя и состояли в КПСС, очевидно сами, не испытывали особой любви к социалистическим порядкам и сквозь пальцы смотрели на студенческие вольности, зачастую граничащие с откровенным диссидентством...

В Советском Союзе 7 ноября считалось самым главным, самым священным праздником. Именно в этот день в 1917 году матросы пальнули с крейсера «Аврора» по Зимнему дворцу, дав команду к штурму последнего оплота Временного Правительства, которое, никем не защищаемое, за одну ночь было низложено революционными рабочими и солдатами. Именно за это многие десятилетия простые граждане страны Советов пили водку или портвейн, закусывая селедкой или тефтелями из консервных банок. А всевозможное начальство потягивало на банкетах коньячок с той же водкой под осетровый балычок и салями. Впрочем, когда напивались и те и другие, иногда на улицах случались искренние братания между пролетариатом и авангардом пролетарской партии. И были даже случаи, когда пьяный в дупель парторг какого – нибудь тракторного завода менялся своей бобровой шапкой с собачьим треухом слесаря из сборочного цеха. Да и плакаты, всюду висевшие дружелюбно гласили: «Народ и партия едины».

Но прежде, чем пройтись в колоннах демонстрантов по улицам городов и весей необъятной страны с красными флагами и портретами партийных вождей, накануне главного священного праздника всюду организовывались субботники и воскресники. Если конечно уличный мусор не успевал укрыть от глаз начальства рано выпавший снег.

За пару дней до празднования 64 годовщины Великого Октября ближе к вечеру, в комнате общежития, в которой Володя Штормин, жил со своими однокурсниками вошел мужик средних лет в крестьянском тулупе нараспашку, в норковой шапке набекрень.

– Здесь живут первокурсники биологического факультета? – спросил он будничным голосом.

– Здесь.

– Ребята, выручайте, надо срочно погрузить мусор во дворе общежития. Машина уже стоит, лопаты я на всех получил.

Студенты быстро оделись и отправились за «тулупом» на выход. Также быстро разобрали шанцевый инструмент и вшестером с азартом принялись за работу, обмениваясь между собой веселыми шутками и прибаутками. «Тулуп» стоял рядом, наблюдал, молча, и вдруг его осенило, что первокурсники восприняли его как завхоза или просто рабочего административно – хозяйственной части университета. Не статусно он был одет, да и никак не представился перед ними. Потому и шутили парни довольно откровенно, не обращая внимания на мужчину. Он внимательно слушал, а потом обиженно произнес:

– Ребята, а я ведь не завхоз.

– Да нам как – то все равно, – ответил один из ребят и вновь продолжил рассказывать анекдот.

– Я проректор по административно – хозяйственной работе.

Студенты переглянулись. Слово «проректор» звучало внушительно.

– И еще я преподаватель кафедры Истории КПСС, кандидат наук, доцент.

– Историк, – присвистнул Штормин.

– Историк, – подтвердил тулуп. – Не верите?

Студенты пожали плечами.

– Ну, вы можете задать мне любой вопрос на историческую тему. И поймете, что я говорю правду. Например, я могу рассказать вам о том, как на II съезде партии произошел идейный раскол между Лениным и Мартовым. Хотите?

Студенты вновь пожали плечами, выражая полное равнодушие к данной исторической теме.

– А как вас зовут? – спросил Штормин, но больше не из – за любопытства, а так, чтобы поддержать разговор.

– Павел Семенович, – ответил доцент.

Погрузка мусора в шесть лопат стремительно приближалась к концу. И тут вдруг Штормин задал на первый взгляд наивный, однако, на самом деле совсем непростой вопрос:

– Павел Семенович, а почему в древности столицей нашего государства был Киев, а теперь Москва? И Русь называлась Киевской.

«Тулуп», похоже, растерялся. Он был скорее не историк, а партийный идеолог с дипломом историка. Он даже как – то нервно поежился.

– А зачем вам это знать, молодой человек?

– Да так, интересно. В учебниках истории ничего об этом не пишут.

– А вы кто по национальности?

– Украинец.

– Понятно, – каким – то нехорошим тоном произнес Павел Семенович, развернулся и ушел в сторону учебного корпуса.

Перед новым 1982 – м годом редакция факультетского «Комсомольского прожектора» в красном уголке общежития готовила очередной номер. Делалось это примерно так. Света Кузюткина на большом листе ватмана выводила тушью заголовки, размечала карандашом расположение основных рубрик, Толик Орлов тут же сочинял передовицу, Наташа Маклакова рисовала смешные карикатуры. А Володя Штормин крутился между ними, активно сво-

ими идеями и задумками мешал им работать, вместо того, чтобы сидеть где-то в сторонке и придумывать острые литературные выпады в сторону прогульщиков и хвостистов. Но он был редактором и считал своим долгом помогать всем, даже если этого не требовалось. Впрочем, все «прожекторы», как их прозвали в деканате, были людьми молодыми, веселыми, уступчивыми и не умели обижаться друг на друга. Как правило, за одну ночь выпуск успевали сделать. И рано утром, до начала занятий, свернув ватман трубочкой, Штормин гордо нес его в университет. И там, на стене у деканата, с чувством неподдельной гордости, приклеивал его рядом с доской объявлений. Новость о том, что новый выпуск «Комсомольского прожектора» уже висит на стене, тут же разлеталась по факультету. К стене бежали все, и студенты и преподаватели. Особенно любима была рубрика, в которой нещадно пропесочивались нерадивые студенты. Рисовался шарж со вполне узнаваемой рожицей. А под ним помещался сатирический текст:

«Он пропускает бессовестно лекции
И семинары, практики, секции.
Большой он любитель полуночных пиров.
Это конечно Сережа...»

Фамилия заядлого прогульщика не указывалась, но она обычно хорошо рифмовалась с последним словом предыдущей строки. И все, кто даже в лицо плохо знал Сережу, понимали, что это Сережа Башкиров. Все ржали, тыча пальцами в портрет, чем и достигался нужный воспитательный эффект. Передовицу с ее традиционной нудятиной и нравоучениями студенты почти никогда не читали.

Первую сессию Штормин сдал без троек, хотя и с большим трудом. Учеба в университете, где основные знания приобретаются на лекциях и отшлифовываются на семинарских и практических занятиях, принципиально отличается от учебы в школе, где предметы изучаются большей частью напополам с учителем. Пришлось быстро научиться учиться самому.

А по весне к Штормину неожиданно пришла большая слава лирического поэта. Сладкая и липкая как сгущенное молоко. Сначала несколько его лирических стихотворений появилось в областной газете «Заря молодежи». Потом девчонки факультета стали их переписывать друг у друга в тетрадки. Потом стихи в рукописных вариантах стали гулять по университету, а затем и вовсе выплеснулись в широкую студенческую аудиторию почти миллионного по населению города. Со стороны эта слава была почти незаметна. Девчонки писали любовные записки, назначали свидания, поджидали у учебного корпуса и возле дверей общежития. Конечно, по молодости лет у любого парня от такого девичьего внимания поплывут мозги. Ранняя слава страшно портит людей. Но от нее есть верное средство – колоссальные амбиции. Они никогда не дадут забронзоветь.

Первомай был, пожалуй, вторым по значению праздником в Советском Союзе. Он отмечался в знак солидарности трудящихся всего прогрессивного человечества. Но по форме празднования очень походил на очередную встречу годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Ему так же предшествовали субботники и воскресники, на которых всем миром в едином нерушимом порыве убирался мусор, скопившийся за зиму на улицах, площадях и в подворотнях, красились заборы, подновлялись фасады зданий, белились стволы деревьев. Апогеем праздника являлась демонстрация, плавно переходящая в пьянку – гулянку дома или на природе.

Иногородние студенты большей частью на майские праздники разъезжались отмечать Первомай по домам, и общежитие пустело. Володя Штормин в тот год остался в Саратове. Его, как комсорга группы попросили поучаствовать в первомайской демонстрации. В прин-

ципе это считалось почетной обязанностью, как служба в армии, дежурство в составе ДНД, а также сидение в президиумах всякого рода комсомольских конференций и пленумов.

Колонна преподавателей и студентов университета формировалась возле главного корпуса часа за два до шестивия. Демонстранты прикрепляли на грудь алые шелковые банты, надували разноцветные шарики и разбирали транспаранты и портреты партийных вождей. Владимиру Штормину и его сокурснику Сергею Варшавскому достался один на двоих портрет унылого Михаила Андреевича Сулова, идеолога КПСС и мирового революционного движения. Генерального секретаря ЦК, Председателя Верховного Совета СССР, дорогого Леонида Ильича Брежнева захватили студенты-физики. Конечно, самыми почетными портретами с самыми длинными древками были портреты бородачей Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Владимира Ильича Ленина. Их доверялось нести только преподавателям университета, имевшим не только ученую степень, но и ученое звание доцента или профессора. И только заведующий кафедрой марксистско-ленинской философии профессор Горбачев, считавшийся большим оригиналом и человеком не от мира сего, ничего такого пропагандистского на демонстрациях в руки никогда не брал, объясняя свой поступок по-философски оригинально и витиевато.

– Зубная паста теперь в большом дефиците. А мыло, того и гляди, из свободной продажи исчезнет, – заявлял профессор Горбачев, смотря куда – то мимо собеседника, лукаво усмехаясь. – Я книжку полезную написал, а у издательства нет бумаги.

– А причем тут зубная паста и мыло? – недоумевал собеседник.

– Ну как же, – обнажал крупные неровные зубы Горбачев. – Все логично и по-философски объяснимо. Нет пищи, не нужна и зубная паста. Нет пищи и нет бумаги. Пища в данном случае первична, а зубная паста и бумага вторичны. Как материя и сознание в понимании марксистско-ленинской философии.

– Ну, а мыло причем?

– Мыло – величайшее изобретение человечества. Без него не возможен процесс карьерного роста. Без него нельзя было бы подать руки подлецу. Да и таскать на демонстрациях портреты вождей тоже.

Тюрьма по Горбачеву лила слезы постоянно. Ходить бы ему в кандалах весь свой век. Но Николай Андреевич всегда умел закончить свою мысль настолько причудливо и замысловато, что понять до конца истинный смысл его философских изысков, ни у кого не хватало ума.

– Марксистско – ленинская философия есть вершина пролетарской мысли, – часто добавлял он в завершении своих высказываний. – И человеку умственного труда, не создающего материальных благ, разным там доцентам, профессорам и академиком не подвластны глубины пролетарского материализма и крестьянской диалектики. Впрочем, если вы не согласны со мной, то напишите на эту тему две докторские диссертации!

У любого, кто слышал такую тираду умных слов, тут же плавилась и закипали мозги. Да и не так прост на самом деле был Николай Андреевич при всей своей внешней простоте. Редкая его книга или публикация в научном журнале выходила без соавторства с одним из высокопоставленных аппаратчиков обкома партии, человека, ограниченного в талантах, но неограниченного в своем влиянии...

– А может пропустить нам по рюмочке? – предложил Варшавский. – Тут недалеко есть хитрый подвальчик, там готовят замечательный коктейль «Тройка». Коньяк, шампанское и водка в одном стакане. Согревает за милую душу.

– Хорошая мысль, – согласился Штормин.

И они вместе с портретом Михаила Андреевича Сулова отправились в подвальчик, за глухую деревянную дверь именуемый «Деревяшкой». В отличие от соседней «Стекляшки», входная дверь которой была наполовину из стекла.

В кафе никого не было. Штормин с Варшавским уселись за массивный дубовый стол, покрытый ажурной белой скатертью. Рядом поставили портрет Сулова. Нехотя подошла официантка. Еще молодая, но уже располневшая, обабившаяся женщина в несвежем фартуке и дурачком кокошнике на голове. Раскрасневшееся лицо, потекшая под глазами тушь, слегка уже заплетающийся язык. Она была хорошо подшофе.

– Что будем пить? – спросила она, с равнодушно рассматривая портрет Сулова.

– Четыре «Тройки», – заказал Варшавский.

– А почему четыре?

– Два дедушке, – он указал пальцем на Михаила Андреевича.

– Нормалек, – произнесла официантка и надолго исчезла куда – то за прилавок.

– Теперь мы ее час прождем, не меньше, – констатировал Штормин.

– Не будь занудой, – ответил Варшавский. – У пролетариата сегодня законный праздник. Пусть гегемон слегка расслабится. И вообще, будь проще, мы с тобой будущие слуги народа.

– Да не хотелось бы. Что это за народ, который молится на такие иконы! – Штормин ткнул пальцем в Сулова. – Архангел Михаил.

– Другого нет, – парировал Варшавский. – В Библии написано: «Всякая власть от Бога».

– Да, здорово мы разгневали Всевышнего, раз у нас такая власть!

– Ну, это еще не худший вариант.

– Да в 1937 году нас бы за такие речи расстреляли!

– Теперь совсем другие времена. Государство не гнобит свой народ. При Леониде Ильиче отпущен поводок. Люди стали покупать телевизоры, холодильники, стиральные машины. Стали жить не в едином трудовом порыве, а для себя, для семьи. Это хороший знак.

– А война в Афганистане? – Штормин перешел на болезную для него тему.

– Эта война, похоже, погубит Советский Союз. Страна со слабой экономикой не выдержит такой безумной гонки вооружений.

Тут появилась официантка. Пошатываясь, она принесла на подносе четыре коктейля. Не дожидаясь приглашения, по – хозяйски уселась за стол.

– Студенты? – спросила она с каким – то легким пренебрежением.

– Так точно, – ответил Варшавский.

– Не люблю студентов!

– Почему?

– Напоят бабу вот такой бурдой, – официантка указала пальцем с облезлым маникюром на стакан с коктейлем, – а в койку потом не ведут. Она рассмеялась каким-то искусственным смехом, а потом вдруг сделалась совсем печальной.

– Меня Мариной зовут.

Студенты по очереди представились, назвав имена и фамилии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.